

Культурный код города. Экспертное интервью

И. В. Поповский

Новосибирский государственный архитектурно-строительный университет (Сибстрин)
Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств
имени А. Д. Крычкова, Новосибирск, Россия
ipopovskiy@yandex.ru

С. А. Смирнов

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого,
Великий Новгород, Россия
Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук,
Новосибирск, Россия
smirnoff1955@yandex.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

культурный код города
городская идентичность
городская среда
культура города
архитектурная доминанта
субъектность города

АННОТАЦИЯ

Экспертное интервью посвящено обсуждению актуальных вопросов, связанных с сохранением и трансляцией аутентичной городской среды в условиях современного роста и развития городов. Выявлены и аргументированы три типа генерации культурного кода в городском пространстве. Рассмотрены варианты дефрагментации городской среды. Отмечена взаимная обусловленность физического и социального пространства в масштабе современного города. Сформулирована роль архитектурных доминант в формировании культурной среды и трансляции исторического облика города. Зафиксирована связь образа города с менталитетом и городским «преданием» в контексте сохранения локального культурного кода. Отмечено отражение образа жизни и деятельности горожан в практиках зонирования городского пространства. Рассмотрено воздействие стихийной планировки городской текстуры на формирование культурного кода. Акцентируется соотношение культурной памяти (памяти места) и культурного кода в контексте сохранения городского образа жизни на примере ряда российских городов (Санкт-Петербург, Новосибирск, Москва, Бийск, Искитим и др.). Выявлена проблематика восприятия городской среды в зависимости от ментальной и физической позиции человека в пространстве. Сформулирован концептуальный вопрос о сущностной связи культурного кода и субъектности города.

Для цитирования:

Поповский, И. В., & Смирнов, С. А. (2025). Культурный код города. Экспертное интервью. *Urbis et Orbis. Микростория и семиотика города*, 5(2), 283–310. [https://doi.org/10.34680/urbis-2025-5\(2\)-283-310](https://doi.org/10.34680/urbis-2025-5(2)-283-310)

Финансирование:

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда, проект № 24-18-00672, <https://rscf.ru/project/24-18-00672>

City's cultural code. Expert interview

Igor Popovsky

Novosibirsk State University of architecture and Civil Engineering (Sibstrin)
Kryachkov Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts,
Novosibirsk, Russia
ipopovskiy@yandex.ru

Sergey Smirnov

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia
Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russia
smirnoff1955@yandex.ru

KEYWORDS

city's cultural code
urban identity
urban environment
urban culture
architectural dominant
urban subjectivity

ABSTRACT

The expert interview is devoted to discussing pressing issues related to the preservation and transmission of an authentic urban environment in the context of contemporary urban growth and development. Three types of cultural code generation in urban space are identified and substantiated. Approaches to the defragmentation of the urban environment are examined. The mutual interdependence of physical and social space at the scale of the modern city is emphasized. The role of architectural dominants in shaping the cultural environment and transmitting the city's historical image is articulated. The connection between the image of the city, mentality, and urban "tradition" is noted in the context of preserving local cultural codes. The reflection of citizens' lifestyles and activities in urban zoning practices is highlighted. The impact of spontaneous planning of urban texture on the formation of cultural codes is analyzed. Special emphasis is placed on the relationship between cultural memory (memory of place) and cultural code in preserving the urban way of life, illustrated through examples from several Russian cities (Saint Petersburg, Novosibirsk, Moscow, Biysk, Iskitim, and others). Issues related to the perception of the urban environment depending on an individual's mental and physical position within space are identified. A conceptual question is formulated regarding the essential relationship between cultural code and the subjectivity of the city.

For citation:

Popovsky, I. V., & Smirnov, S. A. (2025). City's cultural code. Expert interview. *Urbis et Orbis. Microhistory and Semiotics of the City*, 5(2), 283–310. [https://doi.org/10.34680/urbis-2025-5\(2\)-283-310](https://doi.org/10.34680/urbis-2025-5(2)-283-310)

Funding:

The research was funded by the Russian Science Foundation, project No. 24-18-00672, <https://rscf.ru/project/24-18-00672/>

Смирнов С. А.: Сегодня у нас 4 декабря. Беседуем с Игорем Викторовичем Поповским, профессором Сибстрин¹.

Поповский И. В.: Да.

Смирнов С. А.: Значит, тема «Культурный код города». Игорь Викторович, для разминки. Вы как архитектор, действующий причём, пользуетесь этим понятием? Или оно, будучи вброшено, кстати говоря, не архитекторами, а больше политиками, которые заговорили о культурном коде нации, страны, ну и дальше всё ниже, в том числе стали говорить о культурных кодах города, региона, – не Ваше? Это для Вас рабочее понятие или больше пока метафора, которая загружает новые какие-то контексты, но пока не является понятием, рабочим термином? Есть ведь и другие, например, идентичность, образ города, память города...

Поповский И. В.: Понятный вопрос. Я в своё время написал учебник «Основы городской культуры».

Смирнов С. А.: Да, он у меня есть.

Поповский И. В.: Правда, этот курс вёлся сначала для бакалавров, потом для специалистов и магистров. Но потом, как это ни странно, для архитекторов эта дисциплина была убрана. Теперь введена только для градостроителей. Григорий Порфирьевич Ерохин, зав. кафедрой градостроительства НГУАДИ², так решил, несколько лет это уже происходит. И меня немножко это смущает, потому что я считаю, что архитекторы к культурному коду города должны обращаться.

Смирнов С. А.: Должны обращаться?

Поповский И. В.: Должны обращаться, да. Они должны быть компетентны в этом. И сегодня познание культурного хода города у архитекторов происходит в качестве такого, я бы сказал, самообразования. Они участвуют в разных воркшопах, хакатонах, где такие задачи ставятся, которые иногда тесно связаны с культурным кодом города. И, соответственно, они в этом плане делают это на своё усмотрение и часто не разбираются в тонкостях этой темы.

Вот, например, был хакатон в Союзе архитекторов. Я, как эксперт, читал участникам лекцию «Тексты Новосибирска», архитектурные тексты Новосибирска, например, улицы Ленина. На фестивале «Техноарт» я выступал с похожей темой летом на площади перед кинотеатром «Победа». Про ментальные площадки улицы Ленина. Пытался какую-то идентификацию сделать этих пространств, которые, можно сказать, формируют какой-то код города.

На мой взгляд, сегодня, в общем-то, есть такие темы среди московских архитекторов, которые это используют, с этим работают. Я не знаю, возможно, где-то в другом образовании это присутствует.

В советский период архитекторы-модернисты были от этого оторваны. Несмотря на то, что в советский период появились такие знаменитые средовики, как А. Э. Гутнов и В. Л. Глазычев, которые осуществили значительный вклад в эту теорию. Это продолжилось в переходный период после развала СССР. Постмодернистская практика – это ведь фактически работа с текстами, вообще-то по идее.

Смирнов С. А.: Но работа по их деконструкции.

¹ Новосибирский государственный архитектурно-строительный университет.

² Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств имени А. Д. Крякова.

Поповский И. В.: Есть деконструкция у Жака Деррида, а вот Ж.-Ф. Лиотар, например, он работает конкретно с текстовыми выражениями. Так вот, в этом плане я считаю, что изучение кодов связано, по сути дела, с работой с городским текстом, через определённые текстовые и символические вещи. Это бумажная архитектура, которая в 1980-х годах прямо цвела. Хотя «бумажники», ну, почти все, кроме небольшого количества, все стали профессиональными архитекторами.

И они, в общем-то, эту практику используют, ну, к какой-то степени. Вот Сергей Скуратов, например, проектировал пятно застройки в районе Охты в Питере, газпромский объект. Архитектор откровенно создавал код в генплане участка своего объекта, который превращался в логотип, порождающий разные ассоциации.

Смирнов С. А.: Вы говорите, он создавал код?

Поповский И. В.: Да.

Смирнов С. А.: Код хранится или создаётся?

Поповский И. В.: Как предполагали «бумажники» и, собственно говоря, средовики, внедрять код можно тремя путями. Один путь – это консервативный, который полностью подчиняется существующему историческому культурному коду города.

Смирнов С. А.: То есть в памяти он уже заложен?

Поповский И. В.: Да, есть абсолютный контекст, с ним можно работать, это такой консервативный подход.

Смирнов С. А.: Контекстуальщики такие.

Поповский И. В.: Да. Вот, например, если так представить, что можно сделать в Венеции, например, или в Санкт-Петербурге историческом?

Второй подход – это революция: наоборот, создается новый культурный код, и живите вот по нему. Код либо приживается, категорически меняя ситуацию, либо нет.

И третий подход, я думаю, что он был где-то у средовиков. Это изучение существующего культурного кода, создание процесса его корректировки и изменения, средовая эволюция.

Смирнов С. А.: Вы имеете в виду его постоянную трансформацию?

Поповский И. В.: Трансформацию, да. Первый путь достаточно прост, просто подчиняешься ему и всё, но, конечно, код надо выявить.

Смирнов С. А.: Да, надо же его выявить. Не все же умеют это делать, это значит надо уметь читать, дешифровать память.

Поповский И. В.: Да, но я бы добавил, что во всех трёх путях код надо выявлять, хоть тресни.

Смирнов С. А.: Да, всё равно он есть.

Поповский И. В.: Поэтому такая позиция как бы априори уже должна быть.

Второй подход, чем он прост? Ты как бы смотришь на код, как на прошедший устаревший этап. Поэтому К. Малевич говорил, что надо всё это стирать за собой.

А третий – он очень сложный, потому что если в двух случаях уже конкретно идёт объектное видение, идёт создание объектов, символов, то в третьем случае проектируется процесс, процесс вот этого изменения, процесс адаптации и внедрения нового. Это сложно, как генетическое изменение организма. Я студентов обычно спрашиваю, какой правильный из этих трёх подходов. В последнее время студенты отвечают, на мой взгляд, правильно. Отвечают, что все три.

Смирнов С. А.: Это всё разные способы работы.

Поповский И. В.: Просто разные способы работы. Нельзя архитектору говорить, что надо работать только так или так. Причём третий подход имеет два пути развития. Есть такое понятие дефрагментации жёсткого диска. В своё время на мониторе светилась такая безобразная разноцветная картинка, и там долго это дело шло: красный к красному, синий к синему, зелёный к зелёному. И вот эта дефрагментация вроде как постепенно улучшала код. Этот путь – долгий и сложный, и для города на самом деле практически невыполнимый.

Смирнов С. А.: То есть надо дефрагментировать город.

Поповский И. В.: Да, дефрагментировать город, а это сложно. Тем более сейчас, когда у нас есть собственники земельных участков, есть конкуренция, экономические агенты, инвесторы и все-все. А другой путь эволюции достаточно интересный, но он небезопасный, я бы его так назвал. Это как акупунктура, иглоукалывание, найти точку, создать объект, который начинает постепенно расти...

Смирнов С. А.: А потом он расширяется, или размножается, или...

Поповский И. В.: Или размножается, либо...

Смирнов С. А.: Заносишь вирус, и он...

Поповский И. В.: Да, да, вот что-то в этом роде. Объект начинает постепенно менять код. Но я всегда студентам говорю, что этот путь очень сложный. Кроме того, что нужно знание, необходимо понимание, что ты как бы иглой-то колешь правильно. Потому что какой-то укол, какой-то вирус может произвести деградацию и очень серьёзные последствия. Вот такой инструментарий я всегда преподаю студентам.

Смирнов С. А.: А можно здесь уточнить? Когда Вы говорите всё-таки, что создаётся код, что это значит? Как это понять: я создаю код? Он же в памяти, я не могу его создать.

Поповский И. В.: Ну, я могу сказать, что в некоторой степени оговорился, потому что я считаю, что культурный код скрыт не только в объектах, которые содержат символы, а культурный код я бы разделял на физические объекты и объекты духовные, которые находятся в обществе. То есть само общество может содержать этот культурный код.

Если ты внедряешь физическое какое-то изменение, то сознание этого общества и его ментальность в конечном итоге всё равно этот объект может преобразовать именно согласно этому культурному коду. И я понял, что это такая обратная связь. Пьер Бурдьё, французский социолог, сообщал, что физическое пространство отражает социальное пространство.

Но архитекторы уверены, что физическое пространство воспитывает социальное пространство. Я считаю, что это происходит в виде обратной связи. Так вот, по поводу создания культурного кода, я и говорю, что появление архитектурного объекта начинает влиять на социальное пространство.

Но при этом вопрос заключается в том, выживет ли этот объект в общем культурном коде. Он может не выжить по разным причинам. Его могут снести, например, его могут реконструировать. И он может попасть в отрицательные примеры. Объект становится именно точкой раздражения и тоже, как бы, является частью осознания культурного кода.

Смирнов С. А.: Значит, я не просто объект сажу в этом месте. В этом объекте происходят определённые события, и они начинают заражать, обогащать или,

наоборот, влиять негативно на среду. В этом смысле объект должен быть событийным, а не просто кусок камня, который я туда заложил.

Поповский И. В.: Вот яркий пример с Эйфелевой башней. Этот объект создавался как достижение науки и техники. И этот объект – достижение Франции, в частности, конкретно. И предположение-то и было, что это временный объект.

Смирнов С. А.: Да, для выставки.

Поповский И. В.: Оказалось, что он остался навсегда и стал символом Парижа, при том, что ряд горожан, например, Мопассан, его не любили. Я встречал людей, которые до сегодняшнего дня Эйфелеву башню не любят. И, скажем, контекст парижан заключается в том, что они готовы к таким невероятным абсурдам в культурном коде. Например, знаменитая арка Дефанс в Париже, вот этот куб повернутый, там проходит аэродинамическая труба, и там стоит конструкция, которая эту аэродинамическую трубу гасит. Для меня это прямо символ Парижа. Сначала создать проблему, а потом критиковать, но в конечном итоге гордиться. В принципе, я считаю, что такие объекты могут появляться и существовать. Такой парадокс. Вот тут совсем недавно в Париже решили разрешить строительство высотных зданий в историческом центре. Две трети парижан были категорически против, мэр стал поддерживать, суды пошли, всё непросто. В конечном итоге это разрешение, которое дал Саркози, отменили. Снова в Париже нельзя строить в историческом центре высотные здания. Вот это какой-то такой код, если сравнивать, например, с Санкт-Петербургом, с его горизонталью.

Смирнов С. А.: В Питере тоже хотели башню Газпрома поставить, но вывели тоже. И то она настолько высокая, что влияет всё-таки на весь ландшафт.

Поповский И. В.: Нет, просто очень удивительно, что все, когда говорят, что есть центр Санкт-Петербурга, все думают, что это Невский проспект, но некоторые считают, что это акватория стрелки Васильевского острова.

Смирнов С. А.: Да, Стрелка и вокруг вода Невы. И всё вокруг воды.

Поповский И. В.: Потому что ещё отмечают, что тут есть высотные символы, например, Адмиралтейство, замыкающее перспективу. Знаменитый «еропкинский трезубец», совсем по-римски³. Кстати, в Риме этот трезубец направлен в обратную сторону. На площадь дель Пополо приходит Фламиниева дорога, и мы, приходя в Рим, расходимся в городе, а в Питере, наоборот, мы сходимся к Адмиралтейству (ил. 1).

Смирнов С. А.: Да, Адмиралтейство и Петропавловка, они же организуют пространство.

Поповский И. В.: Да, но сначала надо обойти направо, на мост, на стрелку Васильевского острова.

Смирнов С. А.: На стрелку, да.

Поповский И. В.: Следующая точка – это Петропавловка, вот этот шпиль. Бюро «44-я студия», группа архитекторов, когда они делали Эрмитаж в здании Генштаба (ил. 2), придумали невероятную идею, отражающую контекст. Здание сложное, голландский архитектор Рэм Колхас никак с этой сложностью не мог справиться. А братья Явейны сделали просто. Символом был выбран шпиль

³ План застройки центральной части Санкт-Петербурга по системе трех лучей, идущих от Адмиралтейства. Назван так в честь архитектора Еропкина Петра Михайловича. автора первого Генерального плана города (1737).

Петропавловской крепости, который там нигде в том месте не виден. По идее архитекторов, конструкции стеклянной кровли смыкаются в невидимую точку шпиля, по полу идет стеклянная полоса, которая тоже направлена к шпилю. Просто невероятная идея, лаконичная, внутри здания никакого шпиля не видно, даже если на Дворцовую площадь выйти, не видно, но пространство внутри сориентировали на Петропавловский собор. Вот такой контекст, контекстище, я бы сказал. Причем они развили пространство к собору через по-египетски гигантские триумфальные арки, через вот эту анфиладу больших залов. Я очень люблю этот объект, я там много раз был.

Ил. 1. Ерошкинский трезубец
Из открытых источников

Ил. 2. Здание Главного штаба в Санкт-Петербурге
Из открытых источников

Так вот, Петропавловская крепость – это вторая точка. И третий высотный символ – это Исаакиевский собор. И получается такой интересный комплекс, там – усыпальница императора, то есть императорская семья, Адмиралтейство – это силовики, это однозначно.

Смирнов С. А.: И духовный центр, Исаакий.

Поповский И. В.: Вот эти три центра. Я узнал, что после революции все ограничения по высотности были сняты.

Смирнов С. А.: Уже сразу после революции.

Поповский И. В.: Никто уже не волновался. В частности, Татлин создавал гигантскую башню, 430 метров, причём проектных чертежей, планов не было, просто символ и всё. Но нереализованный.

В 1930-е годы пошло развитие по Московскому проспекту, туда Жданов предполагал перенос центра из затопляемого, исторического – к новому советскому центру, ближе к Пулковским высотам. Площадь Советов, гигантское административное здание, тяжёлое, с огромными колоннами, гербом. Автор проекта – Ной Абрамович Троцкий, который за пять лет до этого строил конструктивистские, лёгкие, «летающие» дома, очень талантливый архитектор.

Даже удивительно. Ной спасал город от затопления. Вот такой новый текст. У него была неудачная фамилия, как ему говорили, и он умер, по-моему, через три-четыре месяца после покушения на Троцкого, тоже очень символично. В 1940 году, много работал, можно сказать, перетруился.

При переносе центра все высотные ограничения были убраны. Поэтому административное здание уже превышало запрещённые отметки. И самое интересное, что на Невском проспекте Павел I раньше заказывает здание, типа городской думы, ратгауз, или ратуша, объект с башней, на башне стоит телеграф, который передаёт в Павловск сообщения. Не шпиль, вот что интересно. И это была единственная попытка – новую доминанту сделать, башню деловую, символ городского самоуправления.

Ил. 3. Санкт-Петербург. Дом Зингера
Из открытых источников

Намного позже появляется компания Зингер, которая хочет построить 11-этажный небоскрёб напротив Казанского собора, но это запрещают, реально запрещают. И хоть запретили, Зингер всё равно на метр-полтора превысил высоту, вот этим шаром, его как бы вытащили за отметку (ил. 3). Вроде штраф какой-то заплатили. Ситуация, как с Гауди в Барселоне. Вообще Зингера во время Первой

мировой, как и всех немцев, не очень жаловали. Он специально разместил герб США, чтобы объяснить, что, мол, я не немец. Главный архитектор Питера Ильин не принимал архитектуру здания. Но император согласовал. Это всё отразилось потом... Когда была Великая Отечественная война (читали эту историю, много раз слышал), в шаре якобы сидел наводчик артиллерии, немецкий шпион, и он корректировал огонь. Видите, как интересно выстраивается код.

Так вот, когда скандал с Охта-центром случился, я стал думать, а что было плохого? Понимаете, в самом начале идея Петра I была построить такой деловой город, а не Венецию северную, он хотел построить Амстердам, русский Амстердам, капиталистический город. И первое, что он предполагал, – на Васильевском острове пробить торговые каналы. Но как заселялся Петербург и как Амстердам? Это просто колоссальные отличия. В Амстердам съехались те предприниматели, которые бежали от испанцев, не соглашаясь перейти в католичество. Причём они бежали с деньгами, им надо было скооперироваться, чтобы как-то всё это выдержать. Появилась биржа, акционерные общества, социальные предпринимательские лифты для карьеры. Амстердам быстро прирастал новыми земельными участками. А тут, в Питере их сволакивали. Изначально были три тысячи участков выделены на Васильевском острове. Однако потом из этих трёх тысяч только 1300 можно было определить, потому что болотистые места не позволяли. Но и этого не произошло, заселили чуть более 500 участков. И весь центр, весь город, несмотря на то что он весь предполагался на Васильевском острове, переместился на материк, к Адмиралтейству, откуда пошли лучи знаменитого еропкинского трезубца. И я считаю, что это был прямо реальный контекст социально-политического пространства, отражение, проекция русской империи, которую создал Пётр I.

И город стал не капиталистический, он стал абсолютно бюрократический, государственный, имперский.

Смирнов С. А.: Резиденция.

Поповский И. В.: Да. Баженов попытался Кремль преобразовать в Москве, тоже с имперским трезубцем и народной площадью, но получил, как говорится, по заслугам.

Смирнов С. А.: Ну, так это же в самом Петре сочеталось, имперскость и...

Поповский И. В.: Екатерина II не хотела никаких переносов. Санкт-Петербург – это Рим, хотя всегда говорили, что Москва – третий Рим, четвёртому не бывать. И вот эта ситуация, вот эта бюрократическая жёсткая политика, вот этот государственный контроль отражался во многих произведениях. Гоголь: «Невский проспект», «Шинель».

Смирнов С. А.: Формировался петербургский текст.

Поповский И. В.: Да, петербургский текст, который с Амстердамом вообще не сравнить. Богатые резиденции в Питере соседствовали с нищетой. Когда, например, французы приезжали в Амстердам, они не могли понять, а где дворцы богатых аристократов? Все вроде богатые, все дома хорошие...

Смирнов С. А.: Так если он имперский, то он чиновничий город.

Поповский И. В.: То есть, Вы же понимаете? В Париже было всё чётко. Вот резиденция короля, Людовика XIV, скажем, да. А вот тут что? Они говорят: мы что-то не можем понять, а где у вас вот это, вот это всё? А Петру I нравилась вот эта именно французская резиденция. И одновременно он понимал, что выгода должна быть в капиталистическом развитии, по-голландски. Он пытался создать

капитализм сверху, то есть государственный капитализм, который со всеми этими металлургическими делами создавался таким образом.

А тут у нас произошёл развал СССР, тут появились ребята богатые, Газпром, которым было определено, что вы можете сесть в Санкт-Петербурге, чтобы у Петербурга была хорошая налоговая ситуация; и тут вот эти не государственные, не духовные лидеры. Духовные лидеры в Москве уже построили храм. У них это прямо зафонтанировало. Такое ощущение, что кто-то держал их долго-долго.

Смирнов С. А.: Так высотка – это же символ фонтана нефти. Рвануло.

Поповский И. В.: Ну, естественно; и тут возникает момент, что никто не оспаривал никогда никаких решений как Петра I, так и последующих императоров. Ну, был там, скажем, Карло Росси, который немножко поспорил, его прогнали. Аналогично, в советское время никто не оспаривал перенос центра Питера Ждановым и архитектором Троцким.

А тут настолько этот культурный код вошёл в горожан, что вот этот символ Газпрома не принимался. Горожане прямо воспротивились всеми силами, хотя Матвиенко пыталась проявить политическую волю, – ничего не получилось. И куда же убрали вот этот символ фонтанирующий? В Лахту! В то место, в которое при основании города ничего не могли запихнуть, там болота были, всё было плохо. На край города, пусть там «фонтанирует». Вообще в Финском заливе сейчас Газпром собирается делать ещё два небоскреба. Вот такое действие культурного кода.

Смирнов С. А.: То есть Вы считаете, что они создали новый код?

Поповский И. В.: Да. И при этом я могу сказать, что у нас же есть такая ментальная картина, что деньги решают всё. Вот в этом случае – нет, не решают. Я не спорю, они появились, у них появился свой мир, там, в Лахта-центре, и они сильно сейчас его продвигают, экскурсии организуют, туда можно сходить и окунуться в этот новый мир. Но на самом деле бизнесменов выгнали из города, можно сказать и так. Но, подъезжая к городу с Финского залива, ты видишь вот это.

Смирнов С. А.: Так он виден со всех сторон.

Поповский И. В.: Да, и когда подлетаешь на самолёте. Да, он виден.

Смирнов С. А.: Конечно, он доминантой стоит (ил. 4).

Ил. 4. Лахта-центр в Санкт-Петербурге
Из открытых источников

Поповский И. В.: Но когда ходишь в Питере, надо знать, где приглядеться, а так его нет. Обратите внимание, что никого не волновало, например, такое сооружение, как телебашня в Санкт-Петербурге. Она явно высокая, но все принимали, потому что она не портит вид. В XVIII веке хотели построить колокольню рядом со Смольным собором, который, кстати, находится рядом с Охтой. Строительство храма шло 75 лет. Произошла какая-то деградация, фундаменты затопило, было очень плохо, но потом всё-таки стройку завершили. Очень такой барочный объект Растрелли, но оказывается, что у него в проекте была колокольня, очень высокая, не буду врать, сколько метров, но очень высокая. Она была выше всех привычных символов. Её строить не стали из-за всех сложностей во время строительства и, наверное, проблем с бюджетом.

И вот, говорят, Газпром собрался её построить. Правда, не совсем рядом с собором. То есть Газпром всё-таки так хочет войти в исторический центр. Ездил туда один мой знакомый на повышение квалификации по реставрации. Я говорю, спроси, пожалуйста, там у знающих людей. Нет, говорят, это всё слухи, никто им не позволит. Там есть куча регламентов, которые вот это дело не позволят сделать. Так что вот, очень интересно.

Смирнов С. А.: То есть, правильно я понял, когда мы обсуждали про высотность и так далее: культурный код воплощается в определённых пространственных параметрах, что называется, в признаках и объектах городской среды? И для Питера важно, значит, сохранить не только высотность, но и ансамблевость, связанность объектов, связанность улиц, площадей, принятые приоритеты. То есть культурный код вписан, воплощён вот в этих показателях. И знают ли про это жители? Они же про всё это ведь не знают же? Знают специалисты, чиновники мэрии, архитекторы, специалисты по наследию.

Поповский И. В.: Ну, я скажу, что Питер, с точки зрения городской культуры, уникальный город. Когда я на первом курсе акварелил на практике, был случай. Подошли ко мне два алкаша, бутылками гремят.

Смирнов С. А.: Где, там?

Поповский И. В.: В Питере, да. Абсолютно жуткого вида. И вот один из них мне говорит про мою акварель: ты вот здесь холодного добавь.

Смирнов С. А.: Так он, может, бывший художник.

Поповский И. В.: Так вот я и говорю. А второй говорит: а Вы, собственно говоря, какой дом-то пишете? Я ему: вот этот, мне понравился. Он начинает рассказывать, что это дом банкира, что этот банкир с какой-то невестой сошёлся. В общем, целую историю рассказывает. То есть, несмотря на то что это совершенно деградированные люди, они живут этим. И я могу сказать, когда я ходил в музей Блока последний раз с женой, там была женщина, которая не экскурсовод. Она просто следит за музеем. И она тоже рассказывает, рассказывает, рассказывает. Я говорю, а можно на Вас сослаться? Она отвечает: не надо. Это какое-то очень интересное состояние у питерцев.

Смирнов С. А.: Это устный городской фольклор.

Поповский И. В.: Да, но всё это и есть в культурном коде. Все эти символы, они в подсознании. И никто этому не обучает. Он как-то передаётся. И мне кажется, что именно вот эта ситуация позволяет удерживать те символы и те понимания, средовые, в частности, почему люди и выступают с протестами, когда начинает появляться определённый объект.

Я тоже как-то думал: а вот если государство, как любой император, решило бы выслушать мнение горожан? На мой взгляд, культурный код горожан оказался бы сильнее, чем какое-то политическое волевое решение. Как я уже сказал, консервативный код здесь сработал. На одной конференции по сохранению объектов культурного наследия, посвящённой конструктивизму и авангарду у нас в Новосибирске, мы сидим, обсуждаем. Я говорю: понимаете, мы авангард ставим как бы в исторический контекст. Хотя авангард предполагал, что это революционный стиль. И на книжке со статьями конференции была размещена разрушающая исторический контекст башня Татлина. Если бы башня была создана, то это очень такое бы жёсткое впечатление производило. Вот один английский теоретик рассматривает этот наш российский авангард, причём очень забавно рассматривает, не посещая при этом нашу страну. В книге Оуэна Хазерли «Воинствующий модернизм» описывается, как русский футурист Виктор Шкловский сравнивает татлинскую башню III Интернационала с треножниками марсиан в «Войне миров», которые прибыли и всем своим видом сообщают, что будут разрушать, захватывать и уничтожать старый мир. Тем не менее, мы приняли это, положили в виртуальную культуру. Другими словами, я считаю, что в городе одновременно могут сосуществовать результаты всех трёх подходов работы с городской средой. Поэтому нельзя утверждать, что консервативный контекст обязателен или что консервативный код должен установиться и «победить» авангард. Хотя вхождение в город авангардных решений – это долгая и сложная история.

Смирнов С. А.: Но смотрите, а если не брать Татлина? Есть же башня на Шаболовке, знаменитая, она всё же была поставлена, она где-то похожа, такая же конструктивистская, железная, и ничего не произошло.

Поповский И. В.: Но, во-первых, это чисто технологический инженерный объект, созданный прагматично, рационально. Во-вторых, новый технологический уклад может проецироваться в культурном коде. Например, очень сильно изменился контекст в результате первого полета человека в космос. Советский модернизм в 1960-х годах был технократичным, то есть он был борьбой с земной гравитацией, полёт и легкость соответствовали этому духу.

Потом стало все утяжеляться, и мы перешли от легкого советского модернизма к такому советскому брутализму, с колоннами, очень тяжелыми формами. И это эволюция, мутация контекста. Выращивание нового кода городской культуры в соответствии с социальным пространством, которое вырабатывает политические инструменты и, собственно говоря, транслирует их в определенных проекциях. В этом отношении у меня есть желание написать книгу об архитектурной проекции политэкономии города. Изначально интересен факт, с точки зрения древнегреческого понимания разделения пространства города на ойкос и полис.

Полис – это пространство, собрание непохожих, где закон позволял оставаться каждому самым собой, а ойкос – это было пространство иное, приватное. Отсюда выросли понятия экономика, экология. Пространство семьи горожанина, где есть деспот. В другом понимании, он просто управлял своим пространством. А когда выходил в город, то должен был понимать и уважать мировоззрение остальных горожан. Римское право уже другое, потому что ты можешь жить в городе тоже со своим экономическим пространством, *urbs*. Но пространство города, *civitas*, доступно при соблюдении уже единого закона гражданина Рима.

То есть, там получался такой «плавильный» культурный котел. И если даже в какой-нибудь колонии это соблюдается, вы можете называться гражданами Рима, этого гигантского города. Очень интересно, что Римская империя в какой-то степени воспринималась как такой бесконечный развивающийся город, с определённым стилем, со своим культурным кодом.

Смирнов С. А.: Потому что он тиражировал свой способ, что ли, понимания мира, и его распространял.

Поповский И. В.: При этом, Рим был сложный по построению, на семи холмах. Хотя в последнее время республики создавали очень похожие, как у нас сейчас, кварталы. Все остальные походили друг на друга, с этими перекрестками и улицами, как в военном лагере. В общем-то, это даже очень интересно, что при этом они вот эту сложность, такую, как была у греческих городов, они не воспринимали. Другой момент – знаменитая гипподамова сетка.

Смирнов С. А.: Да-да-да, гипподамов город.

Поповский И. В.: Вот, гипподамова сетка – это чёткое отражение демократии. Вот такая проекция демократии.

Смирнов С. А.: Но она при этом соразмерна человеку.

Поповский И. В.: Она была абсолютно соразмерна.

Смирнов С. А.: Человекоразмерна.

Поповский И. В.: Да, такой город предполагал равные кварталы, равные участки, потому что земля не принадлежала горожанам. Даже были хоры, вот эти места, где они возделывали участок, ну, как дача у нас.

Гипподам был демократом, за что его Аристотель критиковал. Кстати, за счет этого мы о нем знаем, потому что тексты Гипподама не сохранились. Есть критика, и по этой критике можно судить, кто есть Гипподам. Философ, который сформировал пространство под свою философию. И для меня это было очень интересно, потому что гипподамова квартальная сетка распространялась в новых буржуазных городах. Например, Манхэттен.

Смирнов С. А.: Да, конечно, нарезанные квадраты кварталов.

Поповский И. В.: Да, да, вот то есть эта ситуация.

Смирнов С. А.: Причем, благодаря этой сетке город не стоит, а едет. Это же дренажная система фактически.

Поповский И. В.: Мало того, на Манхэттене при расширении и реконструкции построили башню, на которую покупатель нового участка забирался, смотрел сверху и выбирал, что ему нравится. Вот такая была маркетинговая система.

Рем Колхас, известный голландский архитектор, написал про Нью-Йорк один из лучших текстов. Для него Нью-Йорк – это архипелаг островов. Потому что вот эти кварталы – как острова, каждый остров со своей культурой, со своим укладом либо сценарием.

Доходит до забавного. Рокфеллер одну улицу города даже купил. Однако каждый год он закрывает эту улицу на несколько дней. Потому что по законам, если не закроет, то улица перейдет в собственность города.

У него спрашивают, зачем? Ограничений для проезда и прохода нет, поэтому никакого дохода от пространства улицы он конкретно не имел. Такой вот абсурд, каприз богатого человека.

Ну вот, код Манхэттена заложен в его бесконечном росте, в прагматичном уплотнении, в бесконечной коммерциализации всего, о чем пишет Рэм Колхас

Смирнов С. А.: Город желтого дьявола...

Поповский И. В.: Если, например, брать Амстердам, то у него были определенные налоговые ограничения, выстроенные сообществом горожан. Приоритетом было создание справедливой мотивации равномерного развития бизнеса и, соответственно, города. А вот Нью-Йорк – это Новая Голландия. Вроде та же демократическая планировочная сетка. В отличие от Амстердама, любому горожанину можно приехать и добиться большего и прямо очень большого успеха в бизнесе. Поэтому получается такой город контрастов нищеты и богатства.

И мне очень понятно это. Ханс Штимманн, который реконструировал Берлин после объединения, приезжал к нам. Он летел, сверху смотрел на Новосибирск. Утром мы пьем кофе. Говорит, что это тот же Манхэттен.

Смирнов С. А.: Да, нарезан так же.

Поповский И. В.: Поскольку я это в лекциях читал и показывал, я был очень рад, что берлинец это увидел. Для него Нью-Йорк не американский город, он все-таки европейский город, это как бы является связующим звеном культурных кодов Европы и Америки. Существует различие между Лондоном и Нью-Йорком, одновременно сходство с Амстердамом. А далее уже эволюция. И в этом плане, конечно, вот эти архипелаги мне очень понравились, я стал смотреть на наш город по-другому. Вот Новосибирск тоже архипелаг, да?

Смирнов С. А.: Это город городов.

Поповский И. В.: Вот, да, и я увидел, что Новосибирск формируют прямо островные территории. Вот комплекс «Оазис», например, сделали там свою красоту и забором отгородились. Рядом комплекс «Тихомиров» растет, он тоже отгородился. И так постепенно формируются такие комфортные острова вот эти, которые меж собой никак не связаны хорошим городским пространством полиса.

Смирнов С. А.: Так раньше-то город так и делался. Завод посадили и вокруг него соцгород, он изначально такой, островной, и это продолжается.

Поповский И. В.: Абсолютно точно, шло изначально межевание территории на кварталы, там не участвовали архитекторы, там управляли земельщики. Они просто создали квартальную сетку, которая сразу оценивалась, где выгодно покупать, а где нет. Иерархия вот этих земельных участков, она прямо отражалась в городской среде.

Потом в советское время решили укрупнить вот эти кварталы. «Острова» размылись. Подумали о диагоналях, что надо их прорубать. В Манхэттене есть Бродвей, почему у нас не появиться такому Бродвею? И в результате в каких-то случаях диагонали пробили, какие-то не получились. Мы имеем такой не системный город, который вроде бы продумывали градостроители, но не до конца реализовывали.

Вот Октябрьский район, например. Мы проезжаем от реки вверх, по улице Восход, поворачиваем направо, потом налево, на Богаткова. Или мы проезжаем по Гурьевской вниз к реке, а Гурьевская не доходит до реки, и нам надо ехать на Добролюбова, чтобы выехать на Большевичку. Но в другую сторону Добролюбова втыкается в сибстриновский кампус. Поэтому надо опять повернуть направо, а потом налево на Никитина. Однако в другую сторону Никитина опять не выходит к реке, и надо около Новосибирска-Южного снова поворачивать направо и потом на Добролюбова налево. Такое влияние магистралей – результат незаконченных и разных генпланов. Это просто ужасно.

Смирнов С. А.: И таких прерывистых улиц у нас уже очень много. Например, улицы Трудовая, Державина, они вот такие, Чаплыгина, они прерывистые и не знаешь потом, где найти продолжение.

Поповский И. В.: Причем, есть улицы Московская и Ленинградская. Было бы хорошо, если бы я не ехал по Кирова, а ехал по этим улицам, чтобы разгрузить трафик Кирова. Нет же, Московская где-то есть, где-то ее нет. Мы опять выезжаем на Никитина, поворачиваем на Ленинградскую. Это просто уникально. Я, когда разговаривал с Департаментом по строительству, могут ли транспортники вот эту проблему как-то решить, то я понял, что это тоже код города. У нас всегда была транспортная проблема, и мы с этим живём.

Смирнов С. А.: С самого начала, и это должно сохраняться?

Поповский И. В.: Мне одна студентка сказала про Барнаул так интересно. Мол, Барнаул – это тоже большой город, у нас тоже пробки есть. И ничего. А вот в случае с Новосибирском – другое отношение. Это один из самых самокритичных городов, потому что горожане постоянно его критикуют. Постоянно.

Смирнов С. А.: Постоянно. Живут в нем и не любят его.

Поповский И. В.: Все любят Москву и Питер.

Смирнов С. А.: Возвращаясь к коду. Вы считаете, что культурный код, во-первых, есть у любого города, он уже закладывается с самого начала, с основания города, и, во-вторых, его создают даже не архитекторы, а некоторые, не знаю, там, лидеры мнения, что называется, политики, экономисты или кто еще, архитекторы тут как бы ни при чем?

Поповский И. В.: Бывает политическая воля, да.

Смирнов С. А.: Которая контекст как раз закладывает? И это становится основным содержанием культурного кода? И он потом сам собой сохраняется, или он может исчезать, а потом возрождаться?

Поповский И. В.: Может исчезнуть.

Смирнов С. А.: Например, Суздаль когда-то однажды был создан, а потом он постепенно помирал-помирал, а потом вроде возрождаться начал. Есть проблемы с этим?

Поповский И. В.: Есть. Для меня очень удивительная ситуация с Бийском, например (ил. 5). Мне было очень интересно сравнить Бийск с Мальмё, это шведский город, поскольку они почти одновременно попали в ситуацию кризиса в 1990-е годы. Значит, Бийский ВПК почти сдох. А из Мальмё, я понял, судостроение ушло. И оба города сразу начали деградировать. Но сейчас Мальмё считается одним из самых растущих городов в Европе. И вроде бы все просто. Рядом построили потрясающий мост, соединяющий Швецию и Данию. Они открыли университет, сделали город экологическим. Город живет. Правда там 68 % эмигрантов, это надо учитывать. Он растет не за счет естественного прироста. А вот Бийск, начиная сразу после развала СССР, постоянно уменьшается. Разные инструменты пытаются использовать, но ничего не получается.

Вот туризм, например. Там очень хороший исторический центр. Но исторический центр деградировал, район требует много инвестиций для восстановления и комфорта. Этому еще препятствует огромное количество запретов и ограничений. Есть новый центр, отделенный от старого Чуйским трактом.

Ил. 5. Бийск
Из открытых источников

Ну и тут тоже создали массу ограничений в ситуации политической конкуренции. Там процветал, конечно, бандитизм и всякая ерунда 1990-х годов. Потом следующий центр – это вокзал, потому что вокзал – мощнейшая точка транзита. Сюда приезжают, едут в Белокуриху, Горный Алтай, пересадочное место.

Создали рынок, правда сейчас трансформировали. Ожидая поезд, на привокзальной площади, я часто был в кафе. Видел, где сидели бандиты, не надо было кино смотреть. Это был очень интересный опыт созерцания такой городской жизни. В Бийске есть улица Васильева, тоже своеобразный средовой центр. Его, бийские девушки называли в разговоре «на Васильевском», как Васильевский остров в Питере. Это хорошая среда, очень классный такой сталинский ДК химиков.

И совсем дальше уже в самом тупике, это район АБ, все говорят, это наш Академгородок. Это уникально растянутый город. Он меня этим бесил очень, потому что у меня заказчики находились на одном конце города, а объект на другом, и я постоянно терял много времени в поездках. Бийску давали статус наукограда, но он никак не может вылезти из ямы, встрепенуться и пойти на развитие.

А вот Мальмё пошел. Бийск сидит прямо на Чуйском тракте, ну, казалось бы, да, можно было придумать что-то. И вот я стал думать об Искитиме (ил. 6). Вот Искитим – это такой моногород, цементный завод, рядом в советское время начали формировать железобетон, вот эту промышленную, строительную отрасль. И вот сегодня опять эта вся деградация. А рядом Бердск растёт.

Смирнов С. А.: Но он растет за счет Новосибирска.

Поповский И. В.: Конечно.

Смирнов С. А.: Богатые новосибирцы строят там жилье.

Поповский И. В.: Он находится близко в хорошей зоне, а Искитим не растет, к морю не выходит. Как быть? Захотел было металлургический завод сделать Андрей Травников, губернатор, а народ выступил против.

Смирнов С. А.: Против. Местные искитимцы против.

Поповский И. В.: То есть люди, которые жили в жутком цементном дне, они считают, что пусть так и будет. И они выступили против. Юг имеет мощную промышленную зону, Искитим там, дальше знаменитый этот комбинат в Ложке, электродный завод, который делает стержни, получается такая промышленная агломерация.

Ил. 6. Искитим
Из открытых источников

Идея вполне нормальная, туда придет Восточный обезд, коснётся Искитима. Искитим, вроде бы, должен за это даже бороться. Просто интересно, почему так население на это отреагирует. Кстати, Сибстрин имел там филиал, но его закрыли.

Смирнов С. А.: Студентов нет.

Поповский И. В.: Да, ну, может, студентов нет, но самое интересное, что там получается центр строительной индустрии, да, и филиал тут нужен. Очень был бы нужен.

Смирнов С. А.: Был бы нужен, для строительного университета.

Поповский И. В.: И, соответственно, можно никуда не ехать, а жить с этим университетом, как в Мальмё. Я вот просто смотрю, как этот Искитим деградирует... Я спрашивал у коллег, они были из Искитима, и они, конечно, не лестно отзываются о городе. Город цемента, город грязи и все прочее. И когда я проезжал, я много раз был там в командировках, всегда было как-то жалко, что это какой-то культурный код обреченного города.

Смирнов С. А.: Вот именно, он с самого начала такой.

Поповский И. В.: Как можно вот это откорректировать? Пусть даже политическим способом? И я не находил ответа. Честно могу сказать. Прямо не находил ответа. И конечно можно провести какой-нибудь воркшоп. Знаете, Александр Петрович Долнаков⁴, с которым я работал долго, 10 лет, он, будучи еще архитектором, градостроителем, решил сделать дни архитектуры в Тальменке, провести такую выездную сессию, нарисовать будущее Тальменки. Ну, естественно, Тальменка

⁴ Долнаков Александр Петрович (1950–2015 гг.), отечественный архитектор, автор концепций современного развития Тобольска (1992), Новосибирска (2006), Белокурихи, курорта Манжерок и других архитектурных проектов.

приняла, градостроители рисовали будущее. И потом Александра Петровича я спросил, ну и что?

Смирнов С. А.: Ну, порисовали. И что?

Поповский И. В.: Что дальше? Нет, все как бы осталось, но там повесили в администрации вот эти подрамники, говорит, получили там всякие награды. И все.

Я считаю, что, конечно, большая политическая воля может это изменение сделать, но ментальные картины остаются. Как вот я рассказывал про Санкт-Петербург, они очень сильные, они достаточно глубоко сидят в подсознании, поэтому мы имеем реакции горожан, в частности, против металлургического комбината.

Смирнов С. А.: Хорошо, но смотрите, а почему это тогда не называть культурной памятью, памятью места? Вот культурный код обязательно. Что он добавляет? Ну, тогда говорите про идентичность искитимцев, вот они такие и все, и живут в цементе. Почему это надо называть культурным кодом? Что нового он добавляет по сравнению с этими привычными словами?

Поповский И. В.: Этот вопрос я для себя считаю сложным, я объясню, почему. Мне кажется, что память – вещь специфическая. Вот есть у социолога А. Кармина выделение трех подходов, концепций, к культуре.

Есть аксиологический подход к культуре, то есть ценностный, выбираем ценность, она, как говорится, в культуру закладывается, а остальное пропадает.

Потом второй подход, антропологический, мы всю культуру возьмем с точки зрения того, что она создана человеком.

И есть третье понимание, есть такая информационно-семиотическая концепция, ЕСК он называет, когда он выстраивает все знаки, наполняя смыслом, превращая в артефакты определенные, и фактически формирует текст.

И он как-то, по-моему, сравнил это с компьютерной программой. Такой программный продукт, он живет, и отличие заключается в том, что программный продукт кто-то создает, а этот программный продукт формируется в обратной связи, общество постепенно изменяется и одновременно создает среду. Я стал думать о том, что код устойчив, в отличие от памяти, потому что память что-то сохраняет, что-то нет, она часто избирательна. Мы же знаем, что человеческая голова, в принципе, сохраняет все. Но вот попробовать человеку все вспомнить...

Смирнов С. А.: Но это надо актуализировать.

Поповский И. В.: Я считаю, что культурный код – это некий стержень, вокруг которого формируются вот эти островки памяти. Знаете, как в Солярисе, в конце фильма, вот этот островок памяти на планете. И вот тут и возникает самое важное, на что я сейчас, ну не готов прямо ответить, да, что держит этот стержень.

Смирнов С. А.: Что держит этот стержень? И почему он остается стержнем?

Поповский И. В.: Например, у меня большие сомнения, что существуют универсальные какие-то смыслы, приоритеты, которые для всех городов, всех поселений. Мне кажется, что все сложнее.

Смирнов С. А.: Вроде сложнее, вроде просто у каждого места может быть свой стержень. Но это другое дело.

Поповский И. В.: Да, а вот теперь вопрос возникает, как определить и увидеть этот стержень, как называется...

Смирнов С. А.: Вот как раз к вопросу о раскодировке. Если он код, значит он закодирован, сначала надо раскодировать и кто его закодировал? Он же не сам все закодировал, это же люди делали, или как?

Поповский И. В.: Я как-то в НГТУ экскурсоводам лекцию читал про тексты Новосибирска или про контексты Новосибирска. Я нахожу связанные с событиями пространства, контексты, которые формировались, начиная с первых дней поселения здесь. В том числе, например, выгода, захват территории, прагматичность людей...

Смирнов С. А.: Предприимчивость, хватистость...

Поповский И. В.: Даже жертвенность какая-то. Мол, я бросил все, сюда приехал, сплавлял бревна и тут дом поставил. Я все как бы устроил, но стержень все равно не поймал. Как укладывается стержень? Я это в разных контекстах вижу, а как они между собой удерживают связь, чтобы выстроить основу, почему в Новосибирске вот эти вещи прилипли, и они живут?

Смирнов С. А.: То есть, не всегда есть объяснение, но они почему-то прилипли.

Поповский И. В.: Вот они вроде бы вокруг находятся, потому что, если брать, скажем, краеведов, они что-то критикуют, говорят, что вот это плохо или это плохо. А я им говорю, так это же в контексте. Это не хорошо и не плохо.

Смирнов С. А.: Так это в историческом контексте смотреть надо...

Поповский И. В.: Да, вы же об этих контекстах рассказываете, но это тогда было. Тогда я не могу понять, как вы строите вот этот подсознательный стержень, если сегодня это плохо, а 50 лет или век назад это было хорошо.

Для меня, например, удивительно, как был поставлен у нас по политической воле собор Александра Невского (ил. 7). Вот проехался государь по железной дороге, видит – нет собора, что за дела? Надо поставить. Причём он был поставлен в византийском стиле, вот это панславянское понимание, такой храм на Трансибе, в начале Николаевского проспекта.

Смирнов С. А.: А почему для Вас это удивительно? Это же прекрасно, нормально.

Ил. 7. Собор св. Александра Невского, Новониколаевск, 1899 г.
Из открытых источников

Поповский И. В.: Удивительно другое, что за ним была размежевана площадь. Это большое пространство. Часть пространства называлась Старобазарной площадью. И, казалось бы, Соборная площадь перед храмом должна быть?

Смирнов С. А.: Ну, по идее да, Соборная.

Поповский И. В.: Давайте будем с этой Соборной площадью жить. А дальше происходит невероятное. Городская Дума просит губернатора соборную площадь размежевать.

Смирнов С. А.: Как?

Поповский И. В.: Отдать под застройку. Как это сегодня делается? Как вот сейчас ЦУМ хотят убрать? Размежевать не просто так, конечно. Они размежевывают площадь под народный дом и под реальное училище. А реальное училище тоже не просто так. В Томске был университет, центр гуманитарного образования. А в Новониколаевске нужны были уже другие мозги. Капиталистам нужны были образованные рабочие и инженеры. Поэтому прагматично строят реальное училище. Соответственно, вот это пространство перестает быть соборным. Сюда приходит Спартакровский мост. В будущем – Сибревкомовский мост. То есть транспортный узел создается, все дороги стекаются к собору.

Смирнов С. А.: К собору.

Поповский И. В.: Правильно? Казалось бы, вот перед собором оставьте место, не трогайте. Андрей Крячков делает первый вариант реального училища с домовою церковью на углу, обращенным к собору. Архитектор старается соборную площадь сохранить, то есть чувствует, что как-то не хорошо получается.

Смирнов С. А.: Но сейчас это реальное училище не сохранилось.

Поповский И. В.: Реальное училище сейчас существует, но это два первых этажа надстроенного здания. Но домовая церковь в реализованном варианте находится совсем в другом месте, отвернутом от собора. А со стороны собора располагают обсерваторию! Рядом с собором Александра Невского. Меня вот это и удивило. И я пытаюсь сейчас вот это дело изучить и исследовать.

Может, Вы помните, может, не помните, за Художественным музеем был гараж обкомовский. Гараж такой, одноэтажный, там машины «Чайки» стояли. Я в школе, когда учился, всегда любил там их смотреть. Так вот, этот гараж стоял на фундаменте Народного дома. Была площадь перед Народным Домом. То есть Городская Дума создавала площадь перед Народным Домом. А собор уже до революции своего пространства не получил.

Смирнов С. А.: Но там же еще с другой стороны Фабричка.

Поповский И. В.: Фабричка, да, на Фабричку уходила улица Коммунистическая. Там парк был. И улица Коммунистическая фактически тогда, как улица Ленина сегодня, была застроена добротными купеческими домами, деловая такая улица. Она выходила в парк, на пристань. То есть, собор все больше «уходил» из активного пространства города.

Смирнов С. А.: И от берега.

Поповский И. В.: От берега тоже. Я видел, что у собора рядом появились какие-то домишки там, пожарное общество появилось. И для меня это было очень удивительно, что не возникло чувства сохранения в культурном коде, что не сделали соборную площадь с таким прямо великолепным храмом.

А вот часовня Николая, она появилась, сформировав площадь Ленина и будущую ярмарочную площадь. А вот с этим собором как-то не произошло. Была вроде политическая воля царя, деньги всем миром собирали. Но что-то пошло не так.

Смирнов С. А.: Вот в этой связи, все-таки с Новосибирском, есть у меня такая хулиганская идея, коль скоро его история, хоть и короткая, но очень насыщенная,

связана с тем, что в него много пихали, пихали, пихали, а он не успевал осмыслить все это многообразие форм жизни.

Поповский И. В.: Да.

Смирнов С. А.: Волна за волной шла. Индустриализация, война, снова восстание, там еще Академгородок в него засунули, множество заводов, Оперный театр. А он никак не успевал осмыслить, кто он есть, то есть город, кто он как город, кто он такой, он не успевал осмыслять, и в этом смысле, какой же у него культурный код есть, если в него всего понапихано? Означает ли, что это и есть его культурный код? Но что это за код, где все понапихано, это даже не винегрет?

Поповский И. В.: Я об этом рассказываю на лекциях, связанных с текстами Новосибирска. Фактически есть такой момент. Сергей Петрович Капица показывал график уплотнения событий в глобальном процессе. То есть, мы имеем, скажем, историю средних веков, эпоху Возрождения и даже XIX век, который, вроде, стремительный был, а XX век просто уже колоссальное ускорение дал, а XXI даже уже слов нет. И в результате смены событий – это войны, социальные революции, все-все-все. Новосибирск, когда себя назвал Новосибирск, то он открылся для эксперимента.

Смирнов С. А.: То есть он всегда новый.

Поповский И. В.: Да. Каждый раз эксперимент. Вот аббат Сугерий сделал толчок для создания готики. Но это такой период, достаточно был длинный. Другое дело, когда изменение градостроительной или архитектурной парадигмы меняется каждое десятилетие. Причем каждый раз отрицая предыдущую. Я совершенно согласен, осмыслять до конца не получалось. Ну то есть до революции вот-вот-вот что-то сделали, и раз – перешагнули, и мы уже устремились к авангарду.

Ил. 8. Здание Администрации Новосибирской области (Крайисполком), 1937.
Из открытых источников

В начале 1930-х от него начали отказываться. В 1933-м Сталин назвал конструктивизм левацким направлением. 1932 год. Строится Крайисполком (ил. 8), в конструктивистском стиле, со встроенным жильём для чиновников. Предполагалось, что, где ты работаешь, там и живёшь. Аскетично при этом.

А в 1937 году мы видим для тех же чиновников 100-квартирный дом в стиле французского неоклассицизма, с помещениями для прислуги. Для меня это просто то же самое, что происходило с Ноем Троцким, который в 1934 доканчивает вот этот авангардный Кировский райисполком, а потом бабах! – этот невероятно колоссальный классический стиль нового дома советов. Они ведь отражают совершенно разные картины. И у нас получается, значит, 20-е годы – это эпоха авангарда, потом эпоха возвращения к традициям, которые уже после войны доходят до барокко прямо такого нашего советского, потом мы в 60-е боремся с излишествами, потом излишества люди снова хотят в 80-е. И соответственно усложняется архитектура, она становится тяжелой совсем. Заканчивается, разваливается СССР, мы приходим к капиталистическому романтизму, который модернисты не любят. Лужковский стиль ещё называется. Эти новые русские селятся, все нормально, но тут начинаются определённые культурные изменения, мы получаем метамодернизм. Смотрите, это вообще буквально десятилетие и смена вплоть до противоположного. Несколько таких циклических волн возрождений и отказов. Неомодернисты сегодня столько построили похожего в Новосибирске, как и в других городах. Это и создаёт ощущение стандартизации всего пространства. Однако нет, внутри-то всё равно что-то сидит. И мы начинаем строить ар-деко.

Смирнов С. А.: Ар-деко?

Поповский И. В.: Да, этот вот с узорами, с окнами. Вот «Нобель» строится. Вот сейчас главный архитектор Москвы показал самое большое здание ар-деко. Арки появились. Первые огромные арки появились на левом берегу в соцгороде. Соцгород имеет два слоя. Внутри авангард, снаружи сталинская красота с гигантскими арками. Сегодня арки возвратились, вот эта знаменитая золотая арка, в которой реклама всё время происходит.

Смирнов С. А.: Это где?

Поповский И. В.: В Москве, в «Зиларт». И я прямо вижу ускорение, как это называется, ментальных изменений. Это еще подхлестывается тем, что девелоперы и застройщики начинают понимать, что это может быть конкурентноспособным.

Новосибирск прямо отражает эту трагедию XX века, поиска и эксперимента. Потому что он с нуля начал, точнее, не совсем с нуля, конечно. Я, кстати, отношусь критически к советской истории про Новониколаевск, потому что это было откровенное вранье, прямо реальное вранье по поводу дореволюционного периода городского развития.

Представляете себе, в 1893 году началось. Но в 1909 году Жернаков великолепно управлял городом. Пожар не убил город, а даже мотивировал новое развитие. Промышленность города по производительности труда обогнала все города, Томск, Омск.

Я прямо этим жил. Моя бабушка приехала в 1921 году из Томска. И она, конечно, сказала, что городишко был не Томск, прямо сказать.

А потом она поселилась на улице Трудовой. У нее отец был печатник. Жизнь как бы удалась, началась. Потом ее отослали в Ленинград учиться. И когда она приехала через пять лет, она сказала...

Смирнов С. А.: Другой город?

Поповский И. В.: Да, вообще другой город. За период 1928-1932 год возникли конструктивистские дома, наши архитектурные жемчужины. Город прямо реально вырос не только физически, но и с точки зрения культуры. Я понял бабушку,

действительно, это впечатляет. И потом я стал смотреть, что в Новосибирске это происходило периодически всегда. Уехал – приехал, видит – другой город.

Смирнов С. А.: Это так у нее и было?

Поповский И. В.: Да, то есть человек уехал, приезжает и город узнать не может. Последнее время прямо люди говорят, что 5 лет не был в Новосибирске, приехал и город вообще не узнать. Естественно, когда приезжал Никита Явейн из «Студии 44», я его возил по городу, потомственный архитектор, и он смотрел на Новосибирск и говорил, какой хороший планировочный каркас, сколько тут можно построить.

Смирнов С. А.: Он начинал сразу фонтанировать, как это пространство можно освоить.

Поповский И. В.: У него отец участвовал в конкурсе на вокзал «Новосибирск-главный», он прямо попросил свозить на вокзал, хотя он был построен совсем по другому проекту. Прямо что-то родное было в Новосибирске. И я понял в общении с Никитой Явейном, что Петербург стеснен.

Смирнов С. А.: Стеснён.

Поповский И. В.: А тут видит, что можно много строить. Много уплотнить. Он прямо сказал, – отлично. Я показал ему центр. В Оперный сводил. А он говорит, ещё можно куда-то подальше? Я его на Богдашку повез, а он просит, нет, дальше-дальше хочу посмотреть. Такое впечатление архитектора. А с другой стороны, были голландские архитекторы. Один из них удивился, зачем такие большие площади, зачем такие широкие пространства, это кошмар. Я говорю, у нас так как-то заведено. Да как, говорит, у вас же Сибирь, у вас же холодно, вы должны теснее жить-то. Я говорю, у нас наоборот считают, что уже все застроили, окно в окно.

Смирнов С. А.: Уже и так считают.

Поповский И. В.: Он говорит, так, а что плохого – окно в окно, соседи, поговорить можно. Я понял, что это...

Смирнов С. А.: Это и есть след культурного кода, у него в голове.

Поповский И. В.: Он заявляет, и я не могу ему ответить. Другой код. Вот показывал город американскому архитектору. Она сказала, что Новосибирск – город занавешенных окон.

Смирнов С. А.: А, кстати, в Голландии любят открытые окна.

Поповский И. В.: Я не знаю, правда или нет, но это я много раз слышал, что там есть принцип, что если окно занавешено, то пастор зовет на исповедь. И это вошло в культуру протестантскую, и, соответственно, в Америке тоже. Конечно, мы не можем такую вещь понять, в кино «Идентификация Борна» главный герой смотрит в окно и видит, как агент ЦРУ открывает сейф в своем кабинете. Без занавесок окна!

Другой пример. Я возил англичанина, извинялся, говорил ему, смотрите, вот стоит высотное здание, а рядом маленькое деревянное здание, старое, ветхое. А он говорит, отлично! У нас тоже такие есть. И я потом стал узнавать, да, действительно, такие вещи в Лондоне есть.

И тем не менее, я скажу, что горожане Новосибирска крайне критичны к городу. Я приезжаю в Новокузнецк, мне никто Новокузнецк не ругает. Междуреченск хвалят. Про Томск я даже говорить не буду.

Смирнов С. А.: Любят, любят.

Поповский И. В.: Да, про Красноярск... Тоже любят. Да, и у меня даже были моменты, я пытался про Красноярск не то, чтобы плохо сказать, а сообщить своё впечатление, сразу посчитали, что я просто Новосибирск продвигаю.

Смирнов С. А.: Значит ли это, что жители наши почему-то берут образцы в другом месте, накладывают и говорят, что нет, не то, плохо. Они исходят не из своего города, где живут и любят, а исходят почему-то из внешнего, который берут при этом за образец. А зачем это делать? Ну, люби место, где живёшь.

Поповский И. В.: Я думал об этом. Новосибирск – это город переселенцев, это однозначно. Это первое.

Смирнов С. А.: Так у меня родители тоже приехали из Ивановской области.

Поповский И. В.: Нет, у меня мама родилась здесь. И я как бы вот несколько другой. Но это может быть личное, потому что в советское время, когда ругали Новосибирск, сами новосибирцы и соответственно приезжие, то я плакал, прямо уходил и плакал. Я как к своим родителям относился к городу.

Вячеслав Глазычев говорил о четвертом поколении горожан, я понял, что первое поколение живет по прагматичному принципу, испытывая депрессивное состояние, ностальгию по прежнему месту проживания.

Смирнов С. А.: Да, что-нибудь такое, от культуры, да.

Поповский И. В.: Хочу жить в Риме. Но приходится жить в Новосибирске, потому что так выгодно. И вот в этом случае переселенец испытывает некую жертву и, соответственно, стресс. Уезжает из своего насиженного, хорошего места, которое сильно любит. А тут большой Новосибирск, где все бегают, ездят, и нет вот ему места. И мне показалось, что вот это и есть причина критики новосибирцев, потому что они говорят, что коль уж я переехал, коли уж я пожертвовал, выньте да положите мне хороший город.

Смирнов С. А.: Я пожертвовал, теперь заплатите мне за жертву. Создайте мне все условия.

Поповский И. В.: Это, знаете, как прийти в парикмахерскую и терпеть стрижку, которая вам не нравится, потому что я же вам деньги плачу. А то говорят, какая модная стрижка, делайте то, что нужно. Я считаю, что Новосибирск за счет большого количества переселенцев всегда это испытывает. Я даже как бы, ну не знаю, могу ошибаться, но мне это сообщали, что Академгородок – это тоже ведь переселенцы.

Смирнов С. А.: Тоже переселенцы.

Поповский И. В.: И вот говорят, что большая часть переселенцев все-таки уехала. А весь Академгородок теперь – это те, кто учился в НГУ, закончил, и они уже это место выстроили под себя. И это для них родное место.

Смирнов С. А.: Да.

Поповский И. В.: И даже если тут что-то не так, но это их родное место, поэтому и каждая поездка в Новосибирск, это изначально...

Смирнов С. А.: Это испытание, они не любят город.

Поповский И. В.: Ну что-то такое, ну, нет, скажем, здесь в Академгородке чего-то, надо туда съездить, или работа там, или еще что-то.

Смирнов С. А.: Хотя все-таки Академгородок, с точки зрения многообразия городских функций, бедноватую среду имеет. Что там есть? Там же ничего нет почти. НИИ и жилье...

Поповский И. В.: Как-то мы разговаривали на эту тему, Лада Юрченко сказала, что есть в Новосибирске какие-то школы для детей, классные и все прочее, и поэтому вынуждены ехать в город.

Смирнов С. А.: Вынуждены, да.

Поповский И. В.: Вынуждены, потому что хорошая школа, художественная или еще какая, вынуждены туда ехать. И, соответственно, Новосибирск от того, что есть эта вынужденность, превращается в город перенесения пятой точки от крыльца своего дома до крыльца места, куда едем. И получаем все проблемы транспортные, развязки, проблемы парковок, проблемы с уборкой снега. И я пришел к выводу, ну, на опыте, ведь я не автомобилист, прямо скажем, но моя супруга автомобилист. И когда мы разговариваем, у нас разные ментальные...

Смирнов С. А.: Вы разные, да, вы разные. Вы пешеход.

Поповский И. В.: Я пешеход, да. Я пришёл к выводу, что когда говорят об альтернативности передвижения, велосипеды и проч.

Смирнов С. А.: Да где у нас передвигаться велосипедисту?

Поповский И. В.: Да дело-то не в этом, это все одно и то же. Автомобилист едет, и он не видит город. Велосипедист тоже, а тем более, если есть вокруг пешеходы. То же самое, они не видят города. У нас нет культуры фланёрства.

Смирнов С. А.: Это точно, фланёрства нет.

Поповский И. В.: У нас вообще нет.

Смирнов С. А.: Фланёру у нас тоже трудно гулять по Новосибирску. Среда тяжёлая, барьерная. Это не центр Парижа.

Поповский И. В.: Я на всех совещаниях с урбанистами, с мэром, с чиновниками, всем говорю, что я могу бесконечно по улице Ленина ходить, которую никто не хочет делать пешеходной. Но я устал. Мы начинаем и говорим, ну, куда поедет? Ну, по тихому центру. То есть у нас путешествие по городу крайне маленькое.

Смирнов С. А.: Маленькое, маленькое пространство.

Поповский И. В.: Крайне маленькое, то есть вот этот сценарий городской, который отражает, кстати, вот эту всю городскую культуру, которая у нас почти никакая. И говорю, что нам еще надо подумать, где и как парковаться, потом пойти, потом прийти и увидеть, что эвакуатор ее увез.

Смирнов С. А.: Подавляющее большинство, получается, жителей города, не видя город, судят о нем из окна машины, которая в пробке, не знаю, там еще откуда-то, они же его не чувствуют.

Поповский И. В.: А водитель, он не может вообще судить иначе, ему важно, есть пробка или нет, как можно проехать, быстрее проехать. Все. Мне Лада Юрченко сказала, ну, да, я еще буду ходить на этих каблуках по этому жуткому тротуару. Я говорю про архитектуру, а мне – посмотри, какие тротуары. Я стал говорить, сделайте тротуары для пешеходов.

Смирнов С. А.: Для ног сделайте нормально.

Поповский И. В.: Я в Москве прошел что-то три или четыре дня и лишь один раз запнулся.

Смирнов С. А.: Кстати, да, это отрадно.

Поповский И. В.: Отрадно, хорошо просто замечательно.

Смирнов С. А.: Причем это не в отдельном пяточке в центре, а во всей Москве. Огромная территория, можно ходить, и нормально.

Поповский И. В.: Тот же автомобиль и все прочее, но как говорится, а плюс еще метро, вот это.

Смирнов С. А.: Причем в любое время года, кстати. Это и летом, и осенью, и зимой можно ходить.

Поповский И. В.: Убрали вот эти киоски, убрали рекламу.

Смирнов С. А.: Убрали барьеры всякие всевозможные, заборы и так далее.

Поповский И. В.: И все замечательно. Я говорю, давайте начнем вот эту программу прямо вот с этих тротуаров, чтобы мы ощутили город, мотивировали фланерство, чтобы люди начинали ходить.

Смирнов С. А.: И это, кстати, не такие уж большие деньги.

Поповский И. В.: Ну, на самом деле, вот эта отвлечённость на транспорт, на автомобилистов, велосипедистов. Поверьте, я к ним хорошо, уважительно отношусь.

Смирнов С. А.: Да это только разговоры, всё равно ничего не делается.

Поповский И. В.: Я студентам задаю вопрос, кто важнее – пешеход, автомобилист или велосипедист? Все отвечают – пешеход, но в реальности студентка выходит, садится в дорогую машину и уезжает.

Смирнов С. А.: Да, это привычка.

Поповский И. В.: Она же не может этот автомобиль бросить. Она идентифицирована с этим автомобилем.

Смирнов С. А.: Так, ну и в завершении, значит, всё-таки о связности культурного кода и субъектности города. Можно ли представить город всё-таки как коллективный субъект, который как-то пытается осознать себя, понять свой исток, понять свой культурный код. Или это химера, его не бывает, есть разные группы горожан, вот как они понимают, так они и понимают.

Поповский И. В.: Я не буду говорить про небольшие города. Скажем, про Искитим, который там 15 тысяч, или про Кольцово, которые сами себя осознали.

Смирнов С. А.: Ну, там всего лишь 20 тысяч.

Поповский И. В.: Я про крупный город хочу сказать. Я считаю, что, когда начинают делать универсальное понимание для всех горожан, то это серьезнейшая ошибка. Это очень большая ошибка. У меня даже была когда-то идея создать карту ментальных районов, не административных. Вот, например, я живу в Инюшке. Кто-то живет на Затулинке. Мы увидим, что есть определенные районы с определенными своими ментальными картинками, даже с культурой, там иногда разные слова могут произносить.

Например, для Новосибирска это мультифора. Когда я поселился в Инюшке, мне жена говорит, ты на другую сторону Плющихи не ходи. Это другой город. Вот феномен Каменки, Затулинки, Нахаловки. Сейчас не совсем так, но тогда было. Приведу пример. Мне в 1980-е года мой одноклассник, друг, рассказал, как различать затулинских. Перчатки закатанные...

Смирнов С. А.: Батюшки мои. У всех затулинцев так, закатанные перчатки?

Поповский И. В.: Белые, говорит, тулупы, с поднятыми воротниками. Шапка, опущенные уши, вот здесь на завязках отрезок от шариковой ручки. Ботинки, у которых обязательно сломана молния, и клёш.

Вот он говорит, это точно затулинский. Это меня просто потрясло на всю жизнь. Вот эти все картины, ментальные, составляют целую культурную программу.

Смирнов С. А.: Это же структуры повседневности, они оседают в привычках, поведенческих.

Поповский И. В.: Вплоть до того, что территория начинает себя отделять от города, как Академгородок, его верхняя зона, она отделяется, – мы не новосибирцы. Вплоть до этого. И поэтому сказать, что есть какая-то единая картина, я категорически против. Некоторые считают, что у Новосибирска такая особенность есть... По-моему, Ю. П. Воронов⁵ говорил, что там в нашем городе девять городов. Но я считаю, что если взять Москву, ты садишься в метро...

Смирнов С. А.: Сколько же тогда в Москве-то городов?

Поповский И. В.: И люди же говорят, ты откуда? А я оттуда, а я оттуда. Я поселился в Инюшке, меня первые полгода спрашивали прямо на Ленинградской, ты кто? Я говорю: я инюшинский.

Почему они мне верили? Я не знаю. А если бы я сказал, да я из Затулинки приехал, то всё, уже начинается напряжение. И вот это понимание, что едет человек, видит там, скажем, частный сектор на какой-то территории, и он начинает свои картины описывать. Ну, там, значит, цыгане, там наркота, там преступность, алко-голики и все прочее. А на самом деле это может оказаться абсолютно тихий, спокойный район, намного спокойнее, скажем, чем жилмассив на Челюскинцев.

Я вот у девушки спрашивал, где вы себя ощущаете в безопасности? Она с Челюскинского жилмассива, говорит, что ощущает это здесь, в центре, на другой стороне от архитектурного университета, там, где аптека, здание Облпотребсоюза, вот здесь ощущает.

Смирнов С. А.: Там ей безопасно?

Поповский И. В.: А я даже спросил, а в 22.00, вечером? Да, говорит, вот здесь ощущаю себя в безопасности. Я говорю, Вы же в свой район поедете, он же Ваш? Нет, говорит, там уже и телефон отбирали, и по голове били.

Смирнов С. А.: Ну вот. А здесь, в самом центре, людей много. Вроде как безопасно.

Поповский И. В.: Мне очень понравилось понимание А. И. Высоковского, что соответствует городской культуре. Вежливость – один из элементов. Почему? Потому что в деревне всех знаешь. А тут, я не знаю, и вынужден вести себя как-то по-другому, вежливо. Даже если я очень грубый человек, все равно я должен как-то себя вести не так. И вот эта вежливость, она заставляет определённые поведенческие нормы соблюдать, которые, как считает А. А. Высоковский, – один из признаков городской культуры.

Смирнов С. А.: Ну, что, спасибо большое, Игорь Викторович.

⁵ Воронов Юрий Петрович, новосибирский экономист, ведущий научный сотрудник ИЭиОПП СО РАН.

Информация об авторах

Игорь Викторович Поповский
почетный архитектор России, советник Российской
академии архитектуры и строительных наук,
доцент
Новосибирский государственный университет
архитектуры, дизайна и искусств
имени А. Д. Крячкова
Российская Федерация, 630099, Новосибирск,
Красный проспект, 38
профессор
Новосибирский государственный архитектурно-
строительный университет (Сибстрин)
Российская Федерация, 630008, Новосибирск,
ул. Ленинградская, 113
e-mail: ipopovskiy@yandex.ru

Смирнов Сергей Алевтинович
доктор философский наук,
главный научный сотрудник
Новгородский государственный университет
имени Ярослава Мудрого
Российская Федерация, 173003, Великий Новгород,
ул. Большая Санкт-Петербургская, 41
главный научный сотрудник
Институт философии и права
Сибирского отделения Российской академии наук
Российская Федерация, 630090, Новосибирск,
ул. Николаева, 8
ORCID: 0000-0002-2023-8855
Web of Science ResearcherID: H-1575-2016
Scopus AuthorID: 57195838149
e-mail: smirnoff1955@yandex.ru

Information about the authors

Igor V. Popovsky
Honorary Architect of Russia,
Advisor to the Russian Academy of Architecture
and Construction Sciences, Associate Professor
Kryachkov Novosibirsk State University
of Architecture, Design and Arts
38, Krasny Avenue, Novosibirsk,
630099, Russian Federation

Professor
Novosibirsk State University of architecture
and Civil Engineering (Sibstrin)
113, Leningradskaya St., Novosibirsk,
630008, Russian Federation
e-mail: ipopovskiy@yandex.ru

Sergey S. Smirnov
Dr. Sci. (Philosophy),
Chief Researcher
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
41, Bolshaya Sankt-Peterburgskaya St.,
Veliky Novgorod, 173003, Russian Federation

Chief Researcher
Institute of Philosophy and Law
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
8, Nikolaeva St., Novosibirsk,
630090, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-2023-8855
Web of Science ResearcherID: H-1575-2016
Scopus AuthorID: 57195838149
e-mail: smirnoff1955@yandex.ru

Материал поступил в редакцию / Received 12.08.2025
Принят к публикации / Accepted 17.10.2025